

Ли Кай был приезжим, и на Новый год ему непременно нужно было возвращаться в родную деревню. Чем ближе праздник, тем оживлённее становилось в столице: люди охотно тратили деньги, и предновогодняя торговля в лавке шла бойко. Глядя на эту суету, Ли Кай только вздыхал — прибыль сама плыла в руки, а он не мог её забрать. Приходилось утешать себя старой мудростью: всех денег мира не заработаешь.

Но в глубине души он, конечно, досадовал. Единственным утешением было то, что за последние полгода он успел хорошенько изучить столичный рынок: теперь он понимал, как здешние жители празднуют Новый год и какие товары в эти дни разлетаются в первую очередь.

Перед отъездом они рассчитались с работниками и договорились, когда те вернутся к своим обязанностям. К открытию лавки сами Ли Кай с Ван Сюанем вернуться ещё не успевали, но в магазине почти не осталось скоропортящихся товаров, так за сохранность переживать не приходилось. Ключи они решили оставить Чжан Хэну.

Когда придёт время, именно ему предстояло заняться подготовкой к открытию. Работники сияли от радости: получить щедрое жалованье, да ещё и уйти в предпраздничный отпуск пораньше — о лучшем и мечтать нельзя.

Ван Сюань хлопотал над сборами. Помимо собственных вещей, нужно было уложить ворох столичных гостинцев. У Ли Кая в родных краях водилось немало знакомых, так что, если делить на всех, выходило не так уж и много. Поступление в университет стало для них великим событием. Теперь они впервые возвращались домой на каникулы — настоящими триумфаторами. В те годы студенты ценились на вес золота.

Судя по письмам деревенских приятелей, отцу Ли Кая, Лао Сы, теперь жилось вольготно. Никто в деревне больше не смел его притеснять. Даже когда уездные рабочие группы приезжали в Сикань по делам, начальство непременно заглядывало к нему в гости с вежливыми расспросами. Как выразился один из товарищей: «Сам председатель пожал твоему отцу руку!» А ведь в деревне даже уважаемые старожилы не удостоивались подобной чести.

Чиновники смотрели в будущее, понимая, какими перспективными специалистами станут Ли Кай и Ван Сюань. В эпоху острого дефицита кадров семья, взрастившая сразу двух студентов престижных столичных вузов, вызывала всеобщее уважение. После выпуска обоим гарантированы отличные должности и распределение в солидные ведомства. Кто откажется завязать полезное знакомство с людьми, чьё блестящее будущее предрешено?

Лао Сы всю жизнь был человеком самым обыкновенным, даже незаметным, на которого деревенские посматривали свысока. И то, что на старости лет он смог расправить плечи и вздохнуть полной грудью, пусть и благодаря успехам сына, вызывало у соседей жгучую зависть. Каждый втайне вздыхал: «Вот бы и мне такого сына!»

Ли Кай сидел, опустив ноги в таз с горячим отваром, который Ван Сюань приготовил для защиты от простуды. Поскольку Ли Кай целыми днями пропадал на морозе, его названный брат

берёг его здоровье и каждый вечер заваривал согревающие травы. Сдав экзамены, они съехали из общежития и временно поселились в сыхэюане доктора Циня, где Ван Сюань продолжал усердно изучать основы традиционной медицины. Ли Кай блаженствовал, лениво наблюдая, как Сяо Сюань снуёт туда-сюда, укладывая вещи.

Он то и дело вытаскивал покрасневшие ступни из обжигающей воды и опускал их обратно, ведя неспешную беседу.

— Всё ценное спрячь в наш пространственный карман, — лениво протянул Ли Кай. — А подарки от мастера Циня оставь снаружи. Понесём в руках, чтобы приличия соблюсти.

— Я и сам об этом подумал, не беспокойся, — отозвался Ван Сюань, затягивая узел на тюке.

— Слушай, — Ван Сюань вдруг замер. — Интересно, как там наш дом на окраине уезда?

— Отец наверняка заглядывает туда прибраться, но жить там не станет, — ответил Ли Кай. — Без людей дом быстро ветшает. Да и простаивает зря.

— Может, сдать его кому-нибудь? — задумчиво предложил Сяо Сюань. — Правда, окраина уезда — место глуховатое. Арендаторов найдёшь разве что среди местных пастухов или птичников, но они же там всё загадят. Чужое жильё никто беречь не станет, а мы далеко, не проконтролируешь.

— Вот именно, хороших жильцов там не найти, — согласился Ли Кай.

— Тогда пускай стоит закрытым. Лучше пусть пустует, чем новые хозяева его по брёвнышку разнесут. Кто знает, может, он нам ещё пригодится.

Старший брат Су очень не хотел их отпускать. С тех пор как в доме обосновался младший соученик, ему больше не приходилось готовить самому, а кормили его как на убой. Ли Кай регулярно приносил свежие продукты, и хотя зимой рацион традиционно скудел до капусты и редьки, Ван Сюань умудрялся творить на кухне настоящие кулинарные чудеса.

К началу зимы и Су Хэвэн, и мастер Цинь заметно округлились. Против таких разносолов устоять было решительно невозможно.

Но долг звал юношей домой. Вздыхая о грядущих голодных временах, старший брат Су всё же завёл свой старенький грузовичок, бывший теперь в его полном распоряжении, и повёз ребят на вокзал. На площади перед станцией яблоку негде было упасть — предновогодний хаос захлестнул столицу.

Толкаться в очередях и штурмовать вагоны им было не привыкать — этот суровый опыт они копили ещё со средней школы. В те далёкие времена они жутко трусили и не спускали глаз с

багажа, но со временем приноровились: стоило незаметно скинуть тяжёлые пожитки в пространственный карман, как путешествие превращалось в лёгкую прогулку под стук колёс. Словом, ехали бывалые пассажиры.

Основная масса студентов разъехалась по домам ещё неделю назад. Ли Кай задержался из-за торговли — лавке требовалось уделить время перед праздниками. Поэтому в их вагоне учащейся молодёжи почти не осталось, кругом шумел простой рабочий люд, спешащий во все концы страны.

Несмотря на всю дорожную суету, поезд оставался самым быстрым и надёжным транспортом в стране. К счастью, в этот раз им удалось раздобыть билеты в спальный вагон, предназначавшийся для партийных кадров, так что до столицы провинции они добрались в относительной роскоши и покое.

С тех пор как отгремели бурные годы культурной революции, празднование Нового года становилось всё ярче и масштабнее. Старинные обычаи, некогда преданные забвению, постепенно возвращались в обиход.

Выйдя на перрон провинциального вокзала с заплечными мешками, юноши на мгновение замерли, охваченные светлой грустью.

— Теперь ещё на автобусе пилить до уезда, — вздохнул Ли Кай.

Ван Сюань потянулся, выдыхая облачко пара на морозный воздух, и опустил тяжёлый узел на заснеженную землю. С улыбкой посмотрев на Ли Кая, который, казалось, вообще не знал усталости, он спросил:

— Заночуем здесь или сразу двинемся дальше?

— А ты как, сдюжишь? — Ли Кай заботливо взгляделся в его лицо.

— Сдюжу, куда деваться.

Хоть они и ехали в купе, в вагоне гуляли сквозняки. Выданные проводником одеяла казались влажными и ледяными на ощупь, от них пахло залежалой сыростью и чужим потом. Но выбирать не приходилось, пришлось терпеть. Измотанность после такой ночёвки всё же давала о себе знать.

— Тогда поехали. Дома отоспимся, — решительно произнёс Ли Кай.

Он видел, что Ван Сюань вымотался, но держался молодцом. Мужской характер — закалился в трудностях. Они поспешили на автовокзал. Автобус тащился со скоростью черепахи: зимняя дорога местами покрылась ледяной коркой, и колёса опасно скользили на крутых поворотах.

На самом опасном участке горного перевала старый ПАЗик резко затормозил и замер. Пассажиры заволновались, вытягивая шеи. По салону пошёл тревожный гул голосов, но из-за пронизывающего холода никто не спешил выходить наружу. Люди лишь громко расспрашивали водителя или растерянно переглядывались с соседями.

Водитель не успел проронить ни слова, как сидевшие впереди пассажиры испуганно ахнули. Поперек обледенелой трассы лежали поваленные деревья и утыканные острыми гвоздями доски. Осознание пришло мгновенно, ледяной волной прокатившись по салону.

Нападение. Дорожные грабители.

Ли Кай и Ван Сюань не думали, что лично столкнутся с подобным беспределом. Они помнили, как Лю Юань в своё время тратил месяцы на зачистку этих горных перевалов от банд лиходеев. Похоже, отребье решило, что в зимнюю стужу милиция побоится соваться в глушь, и осмелело, устроив настоящую партизанскую войну против закона. Место для засады грабители выбрали идеальное — глухой стык границ, куда ни из города, ни из провинциального центра помощь быстро не подоспее.

Понимая, что при малейшем сопротивлении лобовое стекло разнесут в щепки, водитель заглушил мотор. Ли Кай осторожно скользнул взглядом по окнам: снаружи автобус окружили около полутора десятков крепких парней. Одни натянули на лица грязное тряпье, другие даже не скрывали лиц.

Дверь со скрежетом распахнулась. В салон неторопливо поднялся вожак — жилистый мужчина средних лет с увесистой дубинкой в руках. Похлопывая ею по ладони, он медленно обвёл пассажиров тяжёлым, оценивающим взглядом. Люди испуганно отводили глаза, утыкаясь в колени. Те, кто сидел в первых рядах, сжались в комок, мелко дрожа от страха.

— Ну что, земляки, в город за покупками к празднику едем? — ухмыльнулся вожак, поигрывая дубинкой. — Богато живёте, любо-дорого посмотреть! Да вот беда: у меня дома семеро по лавкам голодные сидят, плачут, каши просят. Негоже ведь хорошим людям допускать, чтобы детки в мороз с голоду пухли? Вы уж проявите милосердие, помогите беднякам.

Он сделал паузу, и лицо его мгновенно приняло хищное выражение.

— А теперь живо, суки, по одному на выход! Деньги, ценности, баулы — всё из карманов на землю!

В салоне поднялся плач.

— Пожалейте, ироды! Это же последние гроши на лекарства сыну! — запричитала какая-то старуха.

— Да как же так можно... — донеслось из глубины.

Большинство пассажиров сидели молча, онемев от ужаса. Бежать было некуда — глухая трасса, зажатая между скалами. Один мужик из местных попытался было заговорить с бандитами, надеясь на землячество, но его тут же грубо швырнули на пол и начали обшаривать карманы.

Вожак недовольно нахмурился, поигрывая дубинкой прямо перед носом у перепуганного паренька.

— Смотрю, делиться по-хорошему никто не хочет, — процедил он сквозь зубы. — Ну ладно. Пеняйте на себя. Парни, выволакивайте этих упрямцев, разомнём им кости!

Ли Кай едва заметно коснулся плеча Ван Сюаня. Они сидели в самом конце автобуса, спрятав свои огромные рюкзаки под передние сиденья. Рядом с ними испуганно жалась друг к другу крестьянская семья из пяти человек. Пользуясь суматохой, Ван Сюань незаметно запустил руку в рюкзаки и перенёс все ценные вещи, собранные мастером Цинем, прямым в пространственный карман.

Ли Кай сохранял ледяное спокойствие. Он не собирался устраивать драку в тесном автобусе и послушно последовал за остальными наружу, делая вид, что смирился с участью. Водитель уже давно сидел на обочине, покорно обхватив голову руками — опытный дорожный волк знал, что против лома нет приёма.

Толкаясь и плача, несчастные пассажиры потянулись на морозный воздух.

Бандиты с ножами и дубинками сбили людей в плотную кучу. Несколько мародёров залезли в автобус и бесцеремонно вышвырнули на дорогу все вещи, тут же принимаясь потрошить узлы и сумки. Самые ценные пожитки складывали в отдельные мешки.

— А теперь выворачивайте карманы! — рявкнул один из налётчиков, потрясая ржавым тесаком. — Живее, суки! Кто утаит хоть юань — останется здесь кормить волков!

Для острастки он съездил какому-то мужику рукоятью ножа по лицу. Горное эхо разнесло крики ужаса и мольбы о пощаде.

Ли Кай наблюдал за происходящим со стороны. Чисто численно пассажиров было больше, чем грабителей. Но толпа состояла в основном из женщин, стариков и запуганных мужчин, у которых не было ни оружия, ни воли к сопротивлению. У бандитов же звенела сталь, а двое держали наготове старые охотничьи двустволки.

«Даже если раздать этим бедолагам по мечу, они всё равно предпочтут встать на колени перед любым, кто заорёт погромче. Рабская покорность въелась им под кожу»

Один из грабителей подошёл к ребятам, заметив их добротные шерстяные пальто.

— Шмотки зачётные. Снимай, живо! — буркнул он, протягивая грязную клешню к воротнику Ли Кая.

В следующую секунду горное ущелье огласил истошный свиной визг.

Ли Кай едва уловимым движением перехватил запястье наглеца и резко вывернул его под неестественным углом. Раздался сухой хруст ломающейся кости. Бандит рухнул на колени, катаясь по снегу и завывая от невыносимой боли.

Ли Кай спокойно отряхнул лацканы своего пальто и окинул банду ледяным взглядом.

— Грабители хреновы, — негромко, но отчётливо произнёс он. — Сговаривались ведь только на пожитки, нет? Раздевать людей в такой мороз — это уже душегубство. Нам наши жизни ещё дороги.

Остальные налётчики тут же бросили баулы и, яростно матерясь, двинулись на дерзких юношей, сжимая в руках оружие.

— Назад! Оттащите Лао Хэя! — зычно скомандовал вожак, останавливая своих людей.

Ли Кай перевёл прямой, немигающий взгляд на главаря. У того на лбу вздулись багровые вены, но он сдержал порыв броситься в драку.

— Парень, — процедил вожак сквозь зубы. — Мы тут просто хотим раздобыть денег на праздник. Время суровое, у всех нужды, надо же понимать. Не отрицаю, ты малый не промах и духу тебе не занимать. Но один в поле не воин. Нас тут полтора десятка, мы вас двоих в порошок сотрём, глазом моргнуть не успеешь.

— Твои трудности — это твои проблемы, — холодно отрезал Ли Кай. — С какой стати я должен кормить твоих выроdkов? Настоящий мужик идёт работать, а не грабит незащищённых баб на дорогах. Называть тебя мужчиной — это оскорбление для любого, у кого между ног есть хоть что-то потяжелее пары лянов гнилого мяса.

— Ах ты сопляк... Рожа ещё не обсохла, а лаешь громко! — сплюнул вожак.

Однако, вопреки ожиданиям банды, он резко взмахнул рукой, призывая своих парней отступить. Связываться с ненормальным, который ломает кости за долю секунды, ему не хотелось.

Ван Сюань тихо шепнул на ухо Ли Каю:

— А вожак их — тёртый калач. Я думал, они навалятся гурьбой, чтобы нас прикончить. Удивительно, как легко он отступился, ведь их численное преимущество очевидно, да и стволы при них.

Было очевидно, что банда промышляет здесь давно и умеет взвешивать риски. Даже если бы они одолели двоих крепких парней, это стоило бы им драгоценного времени и, весьма вероятно, нескольких раненых. Поняв, что наткнулись на камень, разбойники решили не искушать судьбу ради пары пальто. К тому же Ли Кай заметил, что налётчики действуют в спешке — видать, опасались внезапного появления патруля.

Два ствола старых берданок по-прежнему были нацелены точно в грудь Ли Каю и Ван Сюаню, предупреждая любые попытки вмешаться.

Ли Кай закинул на плечи уцелевшие рюкзаки. Помогать остальным пассажирам он не планировал — те безропотно сносили побои и обыски. Кого-то пнули для остротки, кого-то наградили затрешиной за попытку утаить кошелек, но до убийства дело не доходило. Обычные дорожные издержки.

Ли Кай и Ван Сюань стояли особняком, резко выделяясь на фоне перепуганной отары.

Они молча смотрели, как мародёры спешно забивают мешки добычей, после чего банда растворилась в заснеженной чаще так же стремительно, как и появилась. Уходя, стрелки до последнего держали парней на мушке, пока деревья окончательно не скрыли их силуэты.

Ван Сюань шумно выдохнул и повёл затёкшей шеей. Сказать по правде, сердце у него ушло в пятки. Одно дело — кулачный бой, и совсем другое — старая, непредсказуемая картечь, способная сдетонировать от любого чиха. Каким бы быстрым ни был мастер культивации, против свинцового заряда плоть бессильна. Всё это время Сяо Сюань крепко держал Ли Кая за рукав, боясь, что тот сорвётся и бросится под пули. К счастью, его названный брат проявил завидное благоразумие, вмешавшись лишь тогда, когда возникла прямая угроза их собственной шкуре.

Спасать толпу трусов, готовых безропотно отдать последнее, Ли Кай не собирался. И правильно сделал.

Как только разбойники скрылись, толпа заголосила с новой силой. Раздались причитания, проклятия и плач по утерянному скарбу. Но бандиты были уже далеко, и их мало волновали чужие слёзы.

И тогда толпа нашла нового врага. Все взоры обратились на Ли Кая и Ван Сюаня — единственных, кого грабители не посмели обогреть.

Зависть и бессильная злоба мгновенно вылились в глухую ярость.

— Слышь, герои! Раз такие умные и сильные, почему не заступились?! — выкрикнул какой-то мужик из толпы. — У меня там последние гроши на учёбу сыну были! Вам что, плевать на простых людей?!

Эта фраза послужила спусковым крючком. На юношей посыпался град обвинений и грязных ругательств. Лица людей исказились от ненависти. Они кричали, тыкали пальцами, подступая всё ближе, словно готовые разорвать тех, кто только что проявил силу. Почему они спасли свои жизни и вещи, а чужое добро не отстояли? Эгоизм юношей казался им теперь более тяжким преступлением, чем сам разбой.

— У них были ружья! — громко и резко осадил толпу Ван Сюань. — Или вы ослепли и не видели стволов, нацеленных нам в грудь? Вас тут полный автобус, и вы пальцем не пошевелили, чтобы защитить свои кошельки! Мы вам что, бессмертные боги, чтобы под пули ради вашего барахла лезть?

— Что же ты, дядя, такой храбрый стал, когда волки в лес убежали? — ядовито усмехнулся Ли Кай, глядя на зачинщика криков. — Чего ж ты им в лицо не плевал, а на коленях ползал? Решил, что раз мы вас не грабим, то с нами можно по-свойски лаяться?

Орава зашумела, продолжая выкрикивать проклятия, но подходить ближе никто не решался — переломанная рука их сообщника всё ещё была у всех перед глазами.

Ли Кай не стал тратить время на пререкания с обиженными. Он подошёл к водителю, который так и сидел на корточках у колеса, и слегка подтолкнул его носком ботинка.

— Ну что, дядя, заводи шайтан-арбу. Пора ехать, пока метелью дорогу окончательно не замело. Ночевать на перевале в наши планы не входит.

<http://bllate.org/book/19654/1996803>